

Посвящается Анне Ивановне и Льву Николаевичу Фёдоровым

Алое знамя Гальянцевой Веры

Часть 3

Осенью Алёну и Лёню приняли в комсомол. А Вера осталась пионеркой: среди комсомольцев со стажем не нашлось для неё поручителей. Класс продолжал бойкот.

Родители Веры, год безвылазно прожившие в Ростове, стали часто ездить в командировки. На две-три недели отправлялись в Германию, Веру с собой не брали. Много времени проводили в Москве, возвращались задёрганные, мрачные. Подолгу спорили о чём-то на кухне. Веру с Алёной выгоняли на улицу. Изредка отца Веры приглашали в райком, а то во Дворец пионеров – сделать доклад о текущем моменте. Затем, спустя месяц, иногда полтора, начиналась новая командировка.

Вера приучалась вести хозяйство одна. Впрочем, Алёна забегала к ней почти ежедневно, помогала с готовкой, а больше судачила о разных школьных делах.

Видно было однако, что школьная жизнь уже не так занимает Веру, как прежде. Куда сильнее её интересовала

международная обстановка: Вера жадно просматривала газеты, приходившие на имя отца, замирала, когда репродуктор передавал последние известия.

Алёна понимала, что Вера тревожится за родителей. В чём конкретно заключалась их деятельность, Алёна не знала и никогда не спрашивала: ясно, что работа была чрезвычайно секретной.

Не удивилась она, и когда соседи Веры по коммуналке куда-то съехали, а новых жильцов так и не появилось. Видно, дело касалось настоящей Государственной тайны, думала про себя Алёна.

Правда, Алёне запал в память один эпизод, во многом так и оставшийся непонятным. Ещё в январе, заглянув как-то к Вере, Алёна застала всю семью в непривычном воодушевлении. Тимур Альбертович, Верин отец, мерил шагами комнату, потрясая сложенной вчетверо газетой:

— Вот! – говорил он. – Свидетельство, наглядное подтверждение! Первая ласточка. И, значит, не зря, не зря – всё, что мы делаем... Дайте я вам зачитаю.

И он зачитал. Рутинное скучное сообщение. Канцелярский язык. Алёна осталась в недоумении: что с того? Членкор Академии, известный физик *такой-то*, директор недавно открытого института – в числе прочих избран действительным членом Академии наук СССР. Причём же тут «ласточка»? Отчего «всё не зря»?

Но лица родителей Веры светятся искренней радостью. И у Веры тоже в глазах блестят огоньки.

— Он что, друг семьи? Или родственник? – спросила Алёна, когда они с Верой остались наедине.

— Нет, посторонний, – Вера пожала плечами.

— Так в чём же тогда... – начинает Алёна, но Вера подносит палец к губам.

— Тсс! Поклянись, что не скажешь. Никому, никогда, ни за что.

Алёне становится не по себе.

— Клянусь, – шепчет она неуверенно.

— Поклянись страшной клятвой! Алым знаменем!
Ну? – сурово командует Вера.

Алёна клянётся – честью красного знамени, нерушимостью дружбы и жизнью.

И Вера, словно реликвию, приносит ей обрывок газеты, обёрнутый в прозрачную плёнку. Газета другая, не та, что читал Тимур Альбертович. Но год на ней нынешний, тридцать девятый. И дата та же. В углу некролог в чёрной рамке.

Алёна читает:

«В результате несчастного случая... ушёл из жизни... на сорок пятом году... известный физик, директор...».

— Это как понимать? Он что, умер? А чего же вы...

Вера вновь прерывает:

— Не умер. В том-то и дело.

— А как же газета?

— Их две. Одна сообщает неправду. Мама с папой... спасли человека, и вот эта газета ошиблась. А та оказалась права.

— То-то выйдет нахлобучка редакции! – веселится Алёна. Теперь она смотрит на Веру, на всю их семью другими глазами. Шутка ли – спасти человека?!

* * *

Сериал прерывает реклама. Дружный вопль молодёжной компании, отхватившей заветную скидку на какое-то очередное исчадие моды, тревожит бабушкин сон. Реальность на миг берёт верх над фантомами прошлого.

«Была ли вторая газета? – думает бабушка. – Спасли они и вправду кого-то? Или всё это грёзы, попытки найти оправдание? Ложная память о том, что не сбылось? О том, что могло бы быть правдой».

Ведь что-то же было ещё. Позже, позже... О чём до сих пор тяжело вспоминать.

Лучше о другом. Рассказать Денису, как выгнали Прошина, как утихла ребячья ненависть к Вере.

Бабушка устраивается поудобнее в кресле. Её вновь окутывает дрёма.

...Отгремел Первомай. Близился к концу учебный год.

Тане Аварской на день рождения ребята подарили белого кота. Кот отличался царственным спокойствием и ленив был необычайно. Он щурил голубые глаза, урчал, когда его гладили, но заставить его сдвинуться с насиженного места было решительно невозможно. Увы, невозмутимость кота оказалась обманчива.

Как-то раз после занятий Таня принесла питомца в школу – упросили её пионеры, сочинявшие для стенгазеты «Мяучую поэму». Зина Лютикова, художница из пятого «Б», хотела зарисовать кота с натуры.

Окна в классе по случаю тёплой погоды были открыты. И кот, воспользовавшись моментом, живо сиганул на подоконник, оттуда в кусты перед школьным двором, и был таков.

Таня, пионеры, девчата постарше с визгом бросились ловить беглеца. Но тот как сквозь землю провалился. Таня плакала. Обыскали дворы и подвалы ближайших домов – всё без толку.

Лёня предложил расклеить объявления на столбах и подъездах. Призвали на помощь юннатов. Алёна и Таня до самого вечера корпели над «канцелярской работой» – составляли текст, переписывали, разрезали на квитки толстую ученическую тетрадь.

Юра Прошин, заложив руки в карманы, сообщил, что кот, вероятно, подался в леса, и теперь его уже не найти: либо сам одичает, либо задерут его волки. Прошина прогнали, но общий энтузиазм понемногу схлынул.

Вера в поисках участия не принимала.

— Кот домашний, далеко не уйдёт, – сказала она. – Погуляет, вернётся.

— А как он дорогу отыщет? — с укором бросила Таня, подняв на Веру покрасневшие от слёз глаза. — Это ж тебе не собака. А если его уж на свете нет?! Бессердечная ты!

Вера передёрнула плечами и отвернулась.

...Нашёлся кот через день. Третьеклассники-октябрюта, проходившие мимо пришкольной беседки, слышали жалобный мяв откуда-то сверху. Белый кот, отощавший от странствий, шерсть вся в репьях, сидел подобно диковинной птице на ветвях старого вяза, росшего обок беседки. Отчасти Вера права оказалась — ушёл кот недалеко.

Но как его снять? До ветки, где пристроился усатый горемыка, от земли было метра четыре, а то и все пять, и сам он слезть, похоже, не мог.

Едва отзвенел звонок с последнего урока, Таня, Алёна и добрых две дюжины школьников собрались под вязом, решая, как быть.

— Лестницу бы, — говорили одни.

— Где ж такую высокую взять? — возражали другие.

— Палкой сбить его. Или камнем, — предложил вездесущий Прошин.

Кто-то из ребят полез на дерево, но тут же, ободрав ладони, съехал вниз: ствол был слишком широк для обхвата, а сучья росли далеко друг от друга.

— Надо вызвать пожарных, — сказал Лёня.

— А приедут? Пожара-то нет, — усомнилась Алёна.

Пока судили да рядили, к беседке подошла Вера.

— Дайте, я... — сказала она. И слегка наклонила голову, оценивая расстояние до нужной ветки. Кот, будто почувствовав что-то, тревожно взмякнул.

— Куда? — испугалась Алёна.

Но Веру было не удержать. Сбросив сандалии, она ухватилась за нижний сук вяза, подтянулась, выюном поползла по стволу, цепляясь за неровности шершавой коры.

— И эта доносчица здесь! – услышала Алёна голос Прошина. – Чу! Куда лезешь? Спускайся!

Густая зелень листвы скрыла Веру от глаз одноклассников. Затем её платье мелькнуло выше, там, где от ствола отходила разлапистая пышная ветвь, на которой и замер, съёжившись, несчастный кот.

Все взоры устремились на Веру.

Налегая всем телом на ветку, она протянула руку – и кот мордой потянулся навстречу. Ветка опасно заколыхалась. Вера быстро взмахнула ладонью, возвращая равновесие. Кот отпрянул назад, к самому краю зеленеющей ветви. Шаткая опора под ним заметно прогнулась.

— Осторожно! – не выдержала Алёна. Кто-то из девчат ахнул.

— Спускайся, ты, дура! – крикнул Прошин. – Убьёшься!

Вера, глядя прямо на испуганного кота, прошептала что-то одними губами. Кот протяжно мяукнул, делясь с миром своею тоской. Вера плавным движением придвинулась ещё ближе. Кончиками пальцев коснулась подшёрстка на кошачьей груди. Ещё чуть-чуть бы!

— Да спихни ты его вниз! – завопил Прошин. – Он кот! – понимаешь ты? – кот! Они падать приучены, а от тебя – мокрое место останется! Ненормальная, чокнутая...

Лёня шагнул к нему. Скомандовал:

— Умолкни!

— Да вы все с ума посходили с этим котом! Жизни не жалко! – прошипел Прошин. – Я ему сейчас...

Не окончив фразы, он подхватил с земли горсть камешков (беговая дорожка на школьном дворе была посыпана гравием) – и швырнул со всего размаху, метя в ненавистного кота.

Часть снарядов достигла цели. С отчаянным воплем кот соскользнул с ветки, перевернулся в воздухе через

спину и, приземлившись на все четыре лапы, стремглав бросился в кусты. Таня Аварская помчалась за ним.

Ветка же, за которую цеплялась Вера, спружинила, резко дёрнулась, и, к ужасу всех собравшихся, Вера сорвалась вниз.

Упала она ничком, глухо. И в первое мгновение казалось: всё кончено. Алёну словно пронзило током, стало тесно в груди.

— Убилась... – прошептал кто-то.

Но Вера шелохнулась. Привстала на колени. Опираясь одной рукой оземь, попыталась подняться. По мертвенно-бледному лицу её поползла струйка крови из рассечённого лба.

Алёна успела заметить, что и Юрка Прошин бледен как мел. Ребята, стоявшие рядом с ним, расступились, отшатнулись прочь, будто от прокажённого, и Юрка попятился.

— Я... что же... я... – бормотал он бессвязно.

Вера, так и не молвив ни звука, поднялась на ноги. Колени её были разбиты в кровь, школьное платье в земле. Но сильнее всего Алёну поразило её лицо.

Так и запомнилась на всю жизнь эта картина.

Высокая черноволосая девушка... голова склонена чуть вперёд... глаза, опалённые ненавистью... крепко сжатые зубы – не то от боли, не то от гнева... выражение слепого, яростного упорства, преодолевающего все прочие чувства...

Ребята замерли, ошеломлённые, не в силах двинуться с места.

Вера сделала шаг по направлению к Прошину. Качнулась, упала на колени. Поднялась снова. Ещё один шаг... Прошин дёрнулся, как от удара, отскочил, спотыкаясь... и побежал прочь, наутёк, всё скорей и скорей.

Алёна же, которую в последние мгновения словно сковал паралич, вдруг почувствовала себя легко-легко. Что-то словно вдруг отпустило. В одно движение она

очутилась рядом с Верой, обняла за плечи, подхватила под локоть, лишь бы не дать ей упасть.

Рядом появился Лёня, за ним Федька Граев, Нина Сомова... Все загалдели, перебивая, не слушая друг друга. Вынырнула из кустов Таня Аварская с ошалелым котом на руках.

— Убью подлеца, – прошептала Вера так тихо, что слышала её только Алёна. – Убью... – и со стоном осела на землю.

Заметив, что что-то творится неладное, примчался физкультурник Фрол Еремеич. Он же и вызвал врача.

Спешно прибывший фельдшер затребовал скорую. Диагноз поставили уже в палате: сотрясение мозга, переломы и трещины нескольких рёбер, ушиб грудной клетки, вывих правой лодыжки.

...В больнице Веру навещали всем классом (не было, естественно, только Прошина). Прежняя неприязнь ребят к Вере, отторжение – как-то сами собой исчезли, улетучились, словно и не было ничего. Мнение класса переменялось разом, как, бывает, переворачиваются песочные часы. В одночасье Вера сделалась героиней, самоотверженной защитницей животных, а Юрку Прошина, не сговариваясь, признали негодяем и подлецом.

Кое-кто хотел надавать ему оплеух. Но дело решилось иначе. Злополучный бросок горсти камешков, едва не стоивший Вере жизни, руководство школы расценило как злостное хулиганство на грани уголовщины. Юрку с позором исключили из школы (из пионеров он уже выбыл по возрасту). Стахановцу-отцу вклеили на работе выговор по партийной линии. И Юрка, так и не заслужив аттестата, ушёл на завод помощником токаря.

Отныне, завидев на улице кого-нибудь из бывших одноклассников, Прошин угрюмо отворачивался и старался ускорить шаг.

Правда, Таня Аварская рассказала Алёне, что на второй день пребывания Веры в больнице застала Юрку у

входа в приёмное отделение. Он явно был не в себе, крыл Веру распоследними словами, точно извозчик, а затем, хлюпая носом, заладил, как заведённый: «Она никогда... никогда не простит!»

— Влюбился, дурак, – подытожила Таня. – А может, с самого начала таким был.

Кем был – дураком или влюблённым – Таня уточнять не стала.

Алёна не согласилась.

— Бойтся ответить перед законом, вот и занервничал. Он же Веру чуть не угробил.

Лёня, которому Алёна пересказала Танино мнение, лишь бросил коротко:

— Размазня. И хватит о нём.

А Вера вообще ничего не сказала. Просто молча отвернулась к стене.

* * *

Год сорок первый стал поворотным. Всё рухнуло быстро, жестоко. Первый удар грянул ещё до войны, в самом начале апреля.

Как-то раз после школы, не застав Веру в беседке, Алёна отправилась к ней домой. Но и там подруги не оказалось.

— Бегает где-то, – беспечно пожал плечами Тимур Альбертович.

— Может, у Лёни она, – предположила Исабель Эрнестовна, Верина мать. – Или в кино. Они на «Валерия Чкалова» собирались.

— В кино... – растерянно повторила Алёна.

— Неплохая картина по-своему, – заметил Тимур Альбертович. – Памятник эпохи. Лёня, я слышал, авиацией увлечён.

— Да-да, он такой, – пробормотала Алёна и, распрощавшись, отправилась бродить по улицам. Видеть друзей расхотелось.

Весна вступала в свои права. Под ногами струились талые ручейки. В самом воздухе будто висел неумолчный, едва различимый гул. «Земля поёт», – вспомнились Алёне давние слова Веры.

...Алёна бредёт куда глаза глядят, не задумываясь. В мыслях пусто, прозрачно. Ветер снаружи и ветер внутри.

Вот берег Дона, вот луг. За лугом темнеет роща. Здесь, на этом лугу, когда-то лежали они, глядя в небо. «Parasiempre», – вспоминает Алёна.

Навстречу бредут две фигурки. Вера – без шапки, в пальто и высоких штиблетах. И Лёня – в старой куртке, в картузе с приподнятым козырьком.

Алёна машет рукой, но друзья, увлечённые разговором, не видят её.

— Сюда! – хочет крикнуть Алёна, но возглас замирает у неё на губах, потому что в этот миг одна фигурка обнимает другую. Обнимает и...

Кровь стучит у Алёны в висках. Не помня себя, она бежит через луг – к ним навстречу.

— Вы! – кричит она. – Ты! Как не стыдно?

Друзья оборачиваются. Её заметили. У Веры в глазах изумление, гнев. Лицо Лёни заливают краска смущения.

— Что случилось, Алён? – спрашивает Вера. Интонация её, как у Анны Никитичны, когда та распекает нерадивого ученика. Алёна задыхается:

— Ты ещё спрашиваешь?!

— Но что такого?! – Вера, кажется, и в самом деле не понимает.

— Алён, погоди... – начинает Лёня, но слова его гаснут, падают мимо сознания.

Алёна сжимает кулаки. Ей больно, противно смотреть на Лёню. И она сверлит Веру пылающим взглядом.

— Как ты могла?!

Вера недоумённо хмурится, но тут же её взор светлеет:

— Чудачка, – говорит она тихо. – Пойми, тут нет ничего дурного. Не должен человек стыдиться своего сердца.

У Алёны щиплет в глазах.

— Но почему с ним? – отчаянно шепчет она. – Почему *именно с ним*?! Ведь мы же были друзья!

— Были? – удивлённо переспрашивает Вера. – Почему – *были*?

Алёна не в силах больше здесь находиться, видеть, слышать всё это. Повернувшись, она бежит прочь. Странно, луг тот же, что раньше, но нет больше чувства полёта, оно сменилось другим – ощущением падения в пропасть.

— погоди! – слышит оклик Алёна: два голоса слились в один. – Куда ты? Вернись!

Но она бежит, бежит, и ветер холодит её щёки...

Много лет спустя семейная легенда скажет иначе: чувства вспыхнули в сорок пятом, на самом излёте войны. Друзья детства – военный лётчик и юная студентка – полюбили друг друга после долгой разлуки. Их было двое, и они выбрали единую судьбу на двоих, чтобы никогда уже не расставаться. Никакой тени прошлого не стояло меж ними. Ведь двое – всегда были двое, и остались вдвоём до конца, пока смерть не разлучила их.

Это знают их дети. Это знает Денис. Пусть такой и останется эта история – пока не угаснет сама память о ней.

* * *

В тот же вечер – так уж совпало – Тимур Альбертович выступил с докладом в партийном горкоме.

Наутро Вера в школе не появилась. Лёня за своей партой сидел смурной, не подымал головы.

«Неужто совесть проснулась?» – думает едко Алёна. На душе у неё паршиво. Мысли крутятся все об одном.

Весь мир видится в чёрном цвете. Подобие утешения даёт лишь какая-то мрачная ирония, неведомая дотоле ей самой: в любой мелочи, в любом повседневном поступке приятно найти червоточину, приписать низменные мотивы.

Матвей Матвееч дважды запнулся посреди фразы – наверное, пьёт, алкоголик. Федька Граев спутал неравенство у доски – не иначе с подружкой вчера на киносеанс бегал, вместо того чтоб готовить домашнее задание. А ещё юный ленинец, комсомолец! Все, все они одинаковы!..

Ярость, обида душат Алёну. Стоит лишь на минуту отвлечься, как глаза сами собой отыскивают впереди Лёнину спину, и снова всё закипает внутри.

«А ведь как дружили! – думает горько Алёна. – И закончилось всё такой гадостью... Мерзко, мерзко!»

После уроков она хватает портфель и спешит скорее домой. Не хочется ни с кем говорить, даже взглядом встречаться... даже совсем с посторонними. Нина Сомова окликает её, но Алёна лишь машет рукой: занята.

Это ложь. Все занятия – мысли. Заколдованный круг! Что же сделать, чтоб больше не думать?

Алёна топает по дорожке. Красивыми новыми туфлями нарочно ступает в лужу. Пинает прогнивший поребрик дощатого тротуара. Так им всем!

И вдруг во дворе... Что же за невезенье?! Навстречу движется Вера!

Возмущение накатывает жаркой волной.

— Прогульщица! – выкрикивает Алёна первое, что приходит на ум. – Предательница! Что же вы не вдвоём?

Но Вера какая-то странная. Идёт торопливо, а взор устремлён в никуда; голова приопущена. И слов Алёны как будто не слышит.

Алёна замирает, останавливается. И Вера проходит мимо, едва не задев её локтем.

«Гордячка!» – вскипает было Алёна, но тут до неё доносится голос: негромко, бессильно, без тени укора Вера роняет на ходу:

— Погоди, Алён. Не сейчас...

И спешит уже дальше, вперёд, не сбавляя шаг.

«Да что с ней такое?!» – недоумевает Алёна.

Детвора во дворе играет в песочнице. Тихо покачиваются старые качели. Всё как будто по-прежнему. И всё же, и всё же...

...Постепенно, по слухам, от Тани Аварской, от других девчат и ребят, Алёна узнала, что произошло накануне. За родителями Веры приехала в глухой ночной час чёрная «эмка». Возможно, что-то лишнее сказал Тимур Альбертович в своём последнем докладе. А может, нашлись другие причины...

Веру покамест не тронули. Она до утра прождала в опустевшей квартире. Заглянули испуганные соседи. Вера просто сидела на краешке раскуроченной постели, уставившись в стену немигающим взором.

Едва рассвело, собралась и ушла. Потом её видели у горкома, затем во дворе милицейского отделения. Днём ненадолго вернулась домой. Просмотрела оставшиеся бумаги в отцовском столе, написала какие-то письма и снова ушла. Тогда-то с ней и столкнулась Алёна.

Больше Веру не видели.

Слухи в школе обсуждали вполголоса, стараясь, чтобы не заметили учителя. Впрочем, новостей не было, и разговоры скоро иссякли.

Только Лёня с Алёной на долгих вечерних прогулках строили догадки, делились мыслями о том, где искать Веру... Размолвка, ещё вчера казавшаяся непоправимой, сама собой канула в Лету. О прошлом не говорили. Важнее стало другое: узнать, найти и помочь.

Но выяснения проку не дали. А кончилось всё так же внезапно, как началось.

Дней через десять после исчезновения Вера вдруг просто пришла на урок.

При виде её Алёна чуть не подпрыгнула за своей партой. Лёня вскочил, опрокинув чернильницу. Класс шелохнулся, но тут же примолк. Вера, опустив голову, проследовала на своё прежнее место и села рядом с Алёной.

— Ты... как? — только и смогла прошептать Алёна.

Вера посмотрела на неё, и Алёна поняла, что никогда раньше не видела по-настоящему счастливых людей. Потому что счастье озаряет человека изнутри каким-то странным, совершенно особенным светом.

— *Todobien*¹, — прошептала Вера. Глаза её сияли. — *Todobien*.

О большем Алёна расспрашивать не решилась.

Начался урок. Анна Никитична как-то нервно рассказывала о развитии пролетарских мотивов в творчестве Шолохова. Класс слушал невнимательно, а сама Анна Никитична поглядывала на Веру не то с неодобрением, не то даже с опаской. О причинах затяжного отсутствия не спросила.

Алёна тоже украдкой смотрела на Веру. Та изменилась. Лицо побледнело, осунулось и словно бы сделалось совсем юным. Теперь Вера казалась такой же, какой была при первой их встрече, два с половиной года назад. Только цепочки на шее у неё больше не было.

Впрочем, значок-звёздочка оказался при ней. На перемене Вера достала его из портфеля, положила на ладонь и долго рассматривала. Сказала:

— Нацеплю на шнурок.

...Родители Веры вернулись домой, живые и невредимые. Это было невероятно: исчезнувшие обычно не возвращались. И однако, Алёна увидела их в тот же день, когда проводила Веру до дома. Исабель Эрнестовна, повязав фартук, деловито подметала пол. Вид её был

¹ Всё в порядке (*исп.*)

совершенно невозмутим. Тимур Альбертович безмятежно укладывал разбросанные бумаги в ящик стола.

— Вам помочь? – вызвалась робко Алёна.

— Нет-нет, что ты? – улыбнулась Исабель Эрнестовна. – Сами управимся, спасибо тебе. Мы привычные.

— Кочевая жизнь, – покивал и Тимур Альбертович.

Вера сделала знак Алёне, и обе девушки вышли в прихожую. Там пахло пылью. Неярко светила лампочка. Вокруг неё вились желтоватые мошки.

— Мне надо поговорить с Лёней, – сказала Вера, нахмурившись. Недавняя радость изгладилась с её лица. Теперь оно отражало лишь сосредоточенность и решимость.

Алёна вспыхнула. Чувства разом захлестнули её, ножом полоснули по сердцу. Неужели опять?! Да ведь разве могло быть иначе?..

— Нет, – резко бросила Вера, и в голосе её Алёне почудилась властная нотка. – Здесь не то, что ты думаешь.

Стеснение прочь! Алёна осмелилась спросить напрямую:

— Где ты была?

— Далеко.

— Скажешь?

— Нет.

— Ну а Лёне? Об этом ты хочешь с ним говорить?

— Да. И нет. Не совсем. Просто верь мне. Мы подруги ведь, правда? – Вера смотрит открыто, но в глазах её грусть.

Пересилив себя, Алёна кивает.

* * *

Вера бросила Лёню. Или как назвать по-другому? Алёна не знает. Просто всё у них кончено – у Веры и Лёни. И никто в этом не виноват. Потому что на всё есть причина.

Лёня поникший ходил несколько дней, держался от Веры подальше. А затем поддался поветрию: половина мальчишек их класса, не дожидаясь двух месяцев до выпускного, рванули записываться в авиацию: Гражданский Воздушный Флот объявил приём будущих лётчиков. Старые друзья – Вася Хомяков, Мыня Лиховидов – зазвали с собой и Лёню.

Юная советская авиация была в те годы пределом мечтаний пионеров и комсомольцев. Трудно было найти того школьника, который не мечтал бы подняться в небо. Много позже, когда Алёна была уже взрослой женщиной, наступила эпоха Гагарина, и ореол авиации перешёл к космонавтике. Но в конце тридцатых – начале сороковых у авиации соперников не было.

После войны возросла роль образования, и стала странной уже казаться былая романтика юности, подстегнувшая десятиклассников, не окончив учёбу, броситься в лётное училище. Но в предвоенные годы в этом не было ничего удивительного.

Впрочем, из всего класса в пилоты приняли только двоих: Лёню и Лиховидова Мыню. Остальные по разным причинам отсеялись: кто не прошёл по здоровью, кого-то не пропустила действовавшая в те годы мандатная комиссия. Большинство претендентов подвёл слабый вестибулярный аппарат: мало кто оказался способен выдержать экзамен на вертящемся стуле – после нескольких минут верчения мальчишек начинало мутить, сильно кружилась голова, а с такими данными в авиацию путь закрыт.

У Лёни с вестибулярным аппаратом всё было отлично, и через несколько месяцев, когда гражданских лётчиков перевели в истребители и поручили осваивать фигуры высшего пилотажа, Лёня шёл в числе первых.

Неполученный же своевременно аттестат он заработал уже после войны, записавшись в вечернюю

школу рабочей молодёжи. А затем поступил в Академию имени Жуковского, которую окончил с отличием.

Но всё это было позже. А в те апрельские дни Лёня простился со школой и уехал в Азов. Неразлучная тройца распалась навсегда.

Вера тоже грустила: разрыв дался ей нелегко.

— Но иначе я не могла. Понимаешь? – бросила она как-то Алёне – невпопад, с вызовом, без предисловий.

— Почему? – удивилась Алёна. Теперь, когда Лёни не было рядом, её терзали противоречивые чувства. К лучшему или к худшему – то, как всё вышло? Не слишком ли это жестоко? На Лёню в последние дни было больно смотреть. Вере тоже, как видно, несладко. И не она ли, Алёна, стала разлучницей?

— Просто время такое, – помолчав, ответила Вера. – Поженились бы мы; что потом? Я в те дни поняла: нет, нельзя! Не должен никто свою жизнь со мной связывать.

— Почему? – снова спросила Алёна.

— Потому. Я была за границей. Ты знаешь: в Испании, в Германии. Нынче это опасно. У родителей моих положение трудное. Всё буквально на волоске. Если завтра вдруг что – будет риск и для мужа. Я не вправе ломать человеку судьбу. Тем более тому, кого люблю.

Так и сказала: «люблю». Не стыдись ни секунды.

И, подумав с минуты, горько добавила:

— Мне вообще теперь лучше подальше держаться... Ото всех, от тебя в том числе. Отойти. Не видеться больше.

— Как ты можешь! – задыхнулась Алёна. – Ведь мы же... Разве мы не подруги? Разве..?

Краска ударила Вере в лицо.

— Прости, – сказала она. – Я была неправа. Конечно, конечно, подруги. И всегда ими будем. Всегда.

Это был первый и последний раз, когда Вера просила у Алёны прощения.

В середине июня Тимур Альбертович отправился в последнюю свою командировку. В Германию. Поехал один: Исабель Эрнестовна с Верой остались дома.

Командировка продлилась недолго. Двадцать первого днём Тимур Альбертович вернулся – прилетел самолётом через Москву. Вид у него был совершенно опустошённый.

— Всё, – сказал он. – Всё напрасно. Ничему они там не верят, ничего не слышат. Знать не знают и знать не хотят.

— Ты *все* адреса испробовал? – спросила Исабель Эрнестовна.

— И не единожды, – покачал головой Тимур Альбертович. – Да что толку? Значение имеет лишь один адрес. Один адресат. Остальное всё мишура.

— Что же теперь? – спросила Вера, подняв взор на отца.

На мгновение стало тихо – слишком тихо, будто замер весь мир. За окном угас ветер, смолкли ребячьи голоса во дворе, оборвалась на высокой ноте далёкая птичья трель.

Это длилось лишь долю секунды. Следом, столь же внезапно, звуки вернулись. Тимур Альбертович обвёл взглядом жену и дочь.

— Теперь, – сказал он твёрдо, – мы сделаем то, что должно. Пойдём в открытую.

— Но у нас не так много знакомых, друзей, – возразила Исабель Эрнестовна. – Если вдруг... Тогда всё насмарку. Может быть, лучше радио?

Тимур Альбертович прошёлся по комнате, размышляя.

— Да, пожалуй, – сказал он наконец. – Пара дней ещё есть. Я попробую... Ну а ты, Вера, марш, беги в школу. Нынче вечером твой выпускной. Будь там самой красивой!

И был вечер, и был выпускной. И Вера танцевала, кружилась в вальсе. Смотрела на ребят и девчат. На тех, кому предстояло пройти всю войну, и на тех, кому срок был отмерен недолгий...

И Вера говорила, и все смеялись, отвечали: забавная шутка! И сама Вера смеялась – смеялась до слёз.

Алёна смеялась тоже.

...Через годы, вспоминая тот вечер, Алёна уверилась в мысли: что-то Вере было известно, что-то она пыталась сказать; возможно, Тимур Альбертович в последней своей поездке в Германию что-то увидел, узнал, догадался... и Вера хотела предупредить друзей, одноклассников, всех, кто был рядом. Но громко играла музыка, и лился весёлый смех, и юность, вступающая в новую, взрослую жизнь, не сумела услышать, понять...

Ошибся Тимур Альбертович, но не так, как мечтал ошибиться: и двух дней уже не было впереди. Тот вечер стал самым последним.

Наутро заговорил репродуктор. И голос наркома возвестил всей стране: война началась.

На школьном дворе собрался стихийный митинг. Директор Андрей Евсеевич выступил с речью. Говорил о вероломстве фашистов, о силе рабочего класса. Напомнил о подвиге партии большевиков, открывшей народам мира дорогу к свободе и счастью. Сказал, что доподлинно знает: нельзя повернуть историю вспять.

Ребята, притихшие разом, и взрослые с суровыми лицами подходили неслышно, разрасталось собрание, превращаясь в народный сход.

Затем выступал председатель райкома: степенно, уверенно, без суеты. Дали слово двум комсомольцам. Они говорили кратко, звонко – о подлой немецкой военщине, бросившей вызов непобедимой Красной Армии. О доблестных советских бойцах, которые опрокинут любого врага. Об открывшейся записи в добровольцы.

Запала в память Алёне речь командира рабочей бригады с завода подшипников, товарища Фомина.

Фомин, с залихватски торчащими кверху усами, энергично тряс кулаком и зычным басом пророчил гибель оголтелым фашистским захватчикам. Закончил торжественно:

— Поклянёмся же все здесь собравшиеся – Красным знаменем, именем Ленина – поклянёмся до последнего вздоха защищать родной край, нашу великую Советскую родину! Вместе дадим отпор палачам! Вместе отбросим их прочь! И как коренной ростовчанин скажу: никогда не ступит вражий сапог на родную Ростовскую землю, никогда не угаснет в наших сердцах пламя Великого Октября!

Так хороши были эти слова, так грозно, уверенно говорил товарищ Фомин, что лица людей посветлели.

...Наутро в опустевшей беседке за школой Вера простилась с Алёной. Вера была в гимнастёрке, юбке защитного цвета и чёрных ношенных сапогах. Через плечо висел вещмешок: Вера уходила на фронт. Хотя по годам она не дотягивала, в добровольцы её приняли без возражений: помогло знание языков. Веру, бойко шпарившую по-немецки, зачислили в будущую диверсионную группу. Предстояло пройти обучение где-то под Минском: тогда никто ещё не знал, что через пять дней Минск падёт под натиском вражеских полчищ.

Алёна смотрела на подругу с тревогой и грустью, а в глубине души по-доброму ей завидовала. Самой Алёне на приёмном пункте отказали: мол, подрасти пока. Райком комсомола дал ей направление на телефонную станцию: там требовались телефонистки.

Прощание было коротким.

— Вспоминай меня, – сказала Вера.

Алёна кивнула. Обнялись. Вера уже повернулась уйти, но внезапно замешкалась. И, решившись, добавила:

— Если будут письма от Лёни — дай мне знать.

Хорошо? Просто: жив или нет. Больше ничего.

— Обещаю, — сказала Алёна.